

НАША СТРАНА

Год издания—44-ый. Буэнос Айрес, суббота 8 февраля 1992 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 8 de febrero de 1992

№ 2166

Игорь Дьяков

ДЕЛО, КОТОРОЕ БОЛЬШЕ НАС

К 100 - летию со дня рождения И. Л. Солоневича

Православие, Самодержавие, Народность... Эти три понятия, должным образом разъясненные¹⁾ в соответствии с требованиями времени, и являются твердым основанием для умопостроений относительно наших судей, как личных, так и общественных. Из этого единства в духовном отношении только и может состояться в полной мере и Русская семья, и Русская Держава. Благодаря ему, в конечном счете, укрепится и тот волосок, на котором повис над пропастью земной шар.

Многотруден путь к ясному пониманию, а тем более пониманию прочувствованному, побуждающему к действию. Но иди по нему следует решительно, иначе нравственные капканы, "заботливо" расставленные врагами рода русского, уловят последних из нового "подгона", свободного от рабовладельческих догм марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Итак, Солоневич. Этот державный голос, с нежной силой вправляющий мозги пытающимся вот уже сколько десятилетий русским, донесся до нас совсем недавно. Но по сей день, начиная с сороковых годов издается в далекой Аргентине газета им основанная. Ее девиз: "Мы проводим столыпинскую линию: ни реакции, ни революции". Тираж маленький, но название — "Наша Страна" — и внимательное чтение ее материалов наводит на мысль, что газета эта во много раз более "наша", нежели подавляющее большинство выходящих на территории бывшей Российской Империи изданий. Газета, как и одноименное издательство переживает не лучшие времена. Более того, скорее всего глубинная провокация — это международное противорусское действие — проникла и туда. Но импульс, данный ее основателем, продолжает действовать. Уж больно громадна фигура...

Имя Ивана Лукьяновича неизбежно должно было появиться на мглистом горизонте запутавшейся в плюрализме перестройки. Вполне закономерно, что появилось оно в самую последнюю очередь благодаря усилиям людей совершенно точно не связанных со Старой Площадью и ее хитромудрым Агитпропом, плодящим журнально-издательских и парламентско-митинговых марионеток, призванных изображать "борьбу" между собой.

Сведения о его жизни пока что явно недостаточны. Это и не удивительно: слишком долго он относился к числу авторов, чьи произведения можно было читать только в спецхране без права делать выписки, да еще в присутствии компетентного "товарища".

Было два брата (может и больше) — Трофим и Лукьян. Отец их Михаил был

священником, выходцем из семьи белорусских крестьян. У Лукьяна Михайловича, ученого, занимавшегося молочно-кислыми бактериями, от первого брака родилось два сына, Борис и Иван (последний появился на свет 14 ноября 1981 года). (К детям от второго брака, после смерти первой жены Лукьяна Михайловича, мы еще вернемся). Семья жила небогато, но насыщенной интеллектуальной жизнью. Братья занимались спортом: Иван — борьбой, Борис — футболом и борьбой. В гости к ним заходил сам Иван Поддубный, и вся семья нередко была свидетелем того, как Иван Лукьянович в

товарищеской схватке клал на лопатки именитого гостя.

Иван Солоневич зарабатывал свой хлеб с 15 лет. Экстерном сдал экзамены на аттестат. Поступил в университет, учился там на собственные деньги; таких студентов, по его словам, "было сколько угодно". Известность спортсмена подкреплялась известностью репортера. Одно время Солоневич сотрудничает в суворинском "Новом времени".

Переворот 1917 года он оценивал однозначно, и оценка эта не изменилась до самой смерти. Она передана в диалоге, приведенном в его капиталь-

ном труде "Россия в концлагере":

"— Так же, как и сейчас, я беспомощен против человеческого сумасшествия.

— Революцию вы считаете сумасшествием?

— Я не вижу никаких оснований скрывать перед вами этой прискорбной точки зрения".

Да, он имел моральное право на такое собственное мнение. И не только потому, что 26-летним встретил "Великий Октябрь" и еще 17 лет жил в "России-концлагере", но и потому, что имел возможность объездить всю страну и, обладая живым, общительным характером, встречался — разговаривал с тысячами людей.

Революция застала Солоневича на юге России, где он стал свидетелем ужасов Гражданской войны, в частности одесских расстрелов и знаменитой бойни, устроенной ЧК²⁾ (и "ЦК") в Киеве. Иван Лукьянович сотрудничает в белых газетах; вместе с Врангелем, в войсках которого погиб один из его двоюродных (?) братьев, эвакуируется в Турцию, но вынужденно, по семейным обстоятельствам возвращается в Советскую Россию.

Неисправимый оптимист, талантливый спортивный организатор и журналист. Внешне жизнь Солоневича выглядит благополучно. Он сотрудничает с "Известиями", пишет брошюры-пособия по борьбе и гиревому спорту для милиции и даже войск ГПУ (одна из книг была конфискована), преподает на курсах комсостава милиции. Однако движет им отнюдь не лояльность к строю, который он не перестает считать каннибалским по отношению к русскому народу, а желание хоть как-то помочь физически выжить русским людям, попавшим в кабалу "мировой революции". Среди тех, кому помогал Иван Лукьянович, — "рабочие, надорванные непосильным трудом, студенты, изъеденные туберкулезом; служащие, очумелые от вечных перебросок и перестроек (! — И. Д.), — все это недоедающее, истрапанное, охваченное тем, что по официальному термину зовется советской изношенностью..." Владычество коммунистов (как "троцкистов", так и "сталинистов") над Россией "обеспечило" перманентный геноцид русского народа, и Солоневич пытается профессионально противостоять этой тупо-расчетливой "политике". Хотя и вполне сознает, что его на это просто не может "хватить".

Мысль об исходе из "социалистического рая" жила в Иване Лукьяновиче с того самого момента, когда

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА К АРМИИ

Дорогие воины, защитники нашего отечества!

Я всегда с большой симпатией и любовью относился к военным, как и мои предки, сердцу которых армия была так близка. Они гордились подвигами русских воинов, которых вели к победам такие великие полководцы как Румянцев, Суворов, Кутузов, Нахимов и другие.

Я с особым вниманием следил за участием армии в недавних августовских событиях в Москве и Петербурге и горжусь той ролью, которую она в них сыграла.

Надеюсь, что вы продолжите славные традиции русской армии и будете всегда на страже интересов нашего отечества.

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА К РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Дорогие молодые соотечественники! Наша родина переживает сегодня трудное во многих отношениях время. Это время крутых перемен, когда Россия формально освободилась от наваждения коммунизма, но в действительности лишь встает на путь возвращения к исконным духовным ценностям.

Завтра в ваших руках окажется судьба нашего многострадального отечества. Поэтому мне представляется необходимым в этот судьбоносный момент обратиться непосредственно к вам — юношам и девушкам, молодым россиянам.

Сегодня — после поднятия железного занавеса — я хочу предостеречь вас от тех материальных и духовных соблазнов, которые лежат на поверхности жизни и которые в значительной степени отравили западную молодежь, снизив ее творческий потенциал и лишив ее в какой-то мере нравственной сопротивляемости. Безусловно, следует использовать полезный опыт накопленный странами Запада. Но прежде всего я желаю вам опираться на вечные ценности — Церковь, национальную историю и культуру.

Несмотря на необходимую сегодня иностранную помощь, нужно расчитывать в первую очередь на собственные силы, на самих себя, ибо никакая помощь не бывает совершенно бескорыстной.

Доказательством способностей нашего народа является то, что было достигнуто за последний один из наиболее трагичных периодов нашей истории, давшей миру выдающихся представителей во всех областях человеческой деятельности — таких, как Александр Солженицын и многих других.

Мы с Великой княгиней были очень рады и тронуты встретиться с вами, увидеть ваши молодые и полные надежды лица.

Мои молодые друзья, не забывайте о вашем долге перед отечеством. К родине нужно относиться так же, как к родной матери, — бережно и с любовью.

1) Одна из первых серьезных попыток предпринята в книге Д. А. Хомякова (сын известного славяно-фила) "Православие, Самодержавие и Народность" (Монреаль, 1982) — здесь и далее прим. ред.

2) Товарищ обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахов отмечал: "... кто знает еврейский язык, знает и то, что слово «чека» является не только сокращением слов «чрезвычайная комиссия», но на еврейском языке выражает «бойню для скота», то есть как раз отвечает понятиям Талмуда, рассматривающим каждого не-еврея, как животное...». Отсюда, кстати, ведет свое происхождение и название города Чикаго.

раздался залп „Авроры”... Как только позволили обстоятельства и техническая подготовка, он попытался эту мысль реализовать. Первая попытка оказалась неудачной. Солоневич вместе с братом и сыном Юрий был захвачен с оружием в руках на пути в Финляндию. Целый вагон чекистов, наведенных провокатором, „ломал” троих великанов. Все получили по сроку. В зоне трогательно воспетого Горьким Беломорканала и проходит подготовка к новой попытке побега. Этому, собственно, и посвящена „Россия в концлагере” — эпический „доклад” о мотивах и подготовке побега.

Лагерные бараки были отвратительны, но „на воле я видел и похуже, и значительно похуже”, — пишет Иван Солоневич. В этом страшном в своей обличительной силе очерке он не жалуется на судьбу, не хнычет, не клевещет на Россию, как многие последующие лагерные литераторы. Он ставит диагноз, дает фотографию, потому что „для антисоветски настроенного читателя агитация не нужна, а советски настроенный все равно ничему не поверит... Энтузиастов не убавишь, а умным нужна не агитация, а фотография”. Здесь и мотивация побега: „Когда голодаешь этак по-ленински — долго и всерьез, вопрос о куске хлеба приобретает... унизительные высоты”. И еще: „Когда у вас под угрозой револьвера требуют штаны — это еще терпимо. Но когда у вас под угрозой того же револьвера требуют, кроме штанов, еще и энтузиазма, жить становится вовсе невозможноту, захлестывает отвращение”.

Иван Лукьянович с сыном Юрий бежал из Свирского лагеря в июне 1934 года, вскоре после выхода закона о непременном расстреле без суда за попытку бежать из страны. 250 верст по карельской тайге и болотам с тяжелыми рюкзаками за плечами двое Солоневичей преодолели за 16 суток. И в первый же вечер в Финляндии горькие думы приходят на ум. Ночь на пролет курит старый спортсмен, глядя в сторону любимой родины, над которой кроваво-красными полотнищами алеет восход.

Однажды в лагере ему встретилась девочка, вся иссохшая от голода. Она жадно смотрела на то, как он выносит кастрюлю с замерзшим супом, а затем бросилась отогревать ее своим тщедушным тельцем. „Я стоял перед нею как пришибленный”, — пишет Солоневич, — полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к самому себе. Как это мы, взрослые люди России, тридцать миллионов мужчин, могли допустить до этого детей нашей страны? Как это мы не додрались до конца... Что помещики? Что капиталисты? Что профессора? Помещики — в Лондоне. Капиталисты — в нарком торге. Профессора — в академии. Без вил и автомобилей, ножи живут. И вот на костях этого маленького скелетика, миллионы таких скелетиков, будет строиться социалистический рай... Вспомнилась фотография Ленина в позе Христа, окруженного детьми: „Не мешайте детям приходить ко мне”. Какая подłość!”

Солоневич решает „додрасться до конца” против лицемерной подлости, опутавшей его родину, которую ему больше не доведется увидеть. Распустить клубок вопросов, связанных с темой „почему не додрались”, а главное, в простых и ясных словах выразить национальный идеал, замутненный упражнениями мириада литераторов и „приват-доцентов”, — вот, пожалуй, задачи, которые берется решать Иван Солоневич. И решает он их так, что только по прошествии многих лет сумела просочиться информация о нем и его работах на нашу многострадальную родину, — так было „заблоки-

ровано” само имя Солоневича. Как еще заблокированы имена Башилова, Криворотова, Краснова...

„Россия в концлагере” написана в 1938 году. Вышла тремя изданиями подряд. Была переведена на английский, французский, немецкий, шведский, голландский и другие европейские языки. И тем не менее замолчана. Слишком „Русью пахло”. Слишком неотделим был автор от народа, который в очередной раз хотелось представить „рабом”, „бездарным”, „слабым”, „погибшим”. И слишком был он ясен, не в пример патентованным литераторам и публицистам, кормившимся, по всей видимости, не только Западом, но и НКВД.

София. Здесь Солоневич начинает издавать „Наше Газету”. Она была настолько наша, что против нее ополчаются как эмигранты, так и советские спецслужбы. Три смертных приговора получает „по почте” Солоневич. Три покушения переживает. Первый номер „Нашей Газеты” вышел 18 июня 1936 года. Через два года (3-го февраля 1938-го) приходит посылка на имя Ивана Лукьяновича. Она попадает в руки его жены, Тамары Владимировны... Взрыв страшной силы унес жизни самого дорогого человека и сотрудника газеты Николая Михайлова. Чудом остались живы Юрий и сам Иван Лукьянович. Через три дня после похорон он пишет статью, в которой говорит о своем согласии с большевиками. Согласии в их оценке именно газеты Солоневичей как самого опасного врага оккупантов его родины, выбравших жертвой не Мережковского да Бердяева, а именно его. Но вполне возможно, что посылку со взрывчаткой послали по линии НКС. „Солидаристы” ненавидели Солоневича, пожалуй, не меньше НКВД.

Поначалу, когда Солоневичи делали доклад Зарубежью, как „прибывшие из стана врага разведчики”, они никому не мешали. Спокойная жизнь за кофе, мемуарами, игрою в вист продолжалась.

Но среди двухмиллионной эмиграции были люди, которые оправдывали самое бытие эмиграции, сохранившие живую душу, неподдельную любовь к России. Те, кто не состоял или ушел из организаций, разочаровавших их своим трепом и бездействием, „программами” и „платформами” (как и нынче в патриотических движениях). Отклинулась молодежь, почувствовав подлинное. Эти-то люди и образовали „штабс-капитанское движение”.

Когда рапорт о России был закончен, Иван Лукьянович поднял совершенно естественный и неизбежный вопрос: а что же делала все эти годы эмиграция? Что вы, господа хорошие, сделали вот за это время, когда мы, подсоветские, ежедневно и ежечасно вели там страшную, звериную борьбу за жизнь? Вот тогда-то на него и обрушилась брань. Обвинения одно другого нелепее, одно другого грубее и грязнее. Вчерашние „друзья” старались заполнить страницы своих и чужих, любезно предоставленных по этому случаю газет самыми гнусными обвинениями. Но Солоневич и после этого не ушел в частную жизнь, а ведь только что похоронена жена. Он говорит откровенно, что вот с такими-то и такими-то идеями идти в Россию нельзя, что такие-то и такие-то неприемлемы там, что эмиграция обязана пропнуться.

Призыв Солоневича, обращенный к „среднему слою”, на который опирается всякая государственность, к слою, названному им „штабс-капитанами”, был услышан. „Штабс-капитаны” веками строили наше государство, беззаветно и незаметно исполняя свой долг, они поняли, что Россия ждет от них результатов данной им судьбою

двадцатилетней заграничной командировки.

Люди начинают объединяться. В разных странах возникают кружки. „Неорганизованная организация” объединяла стремящихся работать для России. Пополняют образование, избавляются от предрассудков, стремятся стать политическими эмигрантами, перестают быть просто обывателями.

Солоневич старается их объединить в „Земельный”, „Педагогический” и другие центры „штабс-капитанского движения”. Задачу ставит вполне определенную: освобожденная Россия должна получить тысячи исповедующих русскую национальную политическую идею агрономов, педагогов, священников, инженеров, врачей...

Идейное обеспечение предназначалось Солоневичем „Белой библиотеке”, создаваемой им и его ближайшими помощниками. Политическое кредо должна была выразить „Белая империя” — труд, к которому он приступил в конце 1930-х.

Мне в руки попалась статья из газеты „Наша Страна” (7-го августа 1938 года), подписанная псевдонимом „Галлиполиец К. Г.”. В ней говорится как раз о периоде карнавального шествия прикрывшихся лозунгами людей, безликими фигурами, бродивших среди растерянной эмиграции. Период — сродни нашему: одни программные бумажонки да мудреные расплывчатые идеи. Но вот когда в жизни эмиграции появился „великий бунтарь, демагог и разлагатель” Иван Солоневич со своими прямыми вопросами и без программок и идеек, — разразилась буря. „Кто он такой? — спрашивает „Галлиполиец”. — Где его программа? Где идеология? Носители плакатов, пунктиков и параграфов попали в весьма затруднительное положение. В самом деле, что можно было отвечать этому „нахалу”? Что ему доказывать! Ведь если г-н Бердяев говорит, что национализм штука отвратительная, то г-н Тхоржевский может доказывать, что национализм, наоборот, штука весьма очаровательная. И при встрече с г-ном Бердяевым г-н Тхоржевский вежливо снимает шляпу, а если придется, то и разыграет с ним пульку. Но что вы ответите и как отнесетесь к человеку, который назвал вас идиотом, трусом или плутом? Какими пунктами и параграфами можно здесь оперировать?

Грызня в эмиграции, конечно, дело не новое, — продолжает „галлиполиец”, словно он — участник иных наших патриотических „тусовок”. — Но с участием И. Л. она приобрела другой смысл. Дело в том, что И. Л. не только ругался. Он предварительно обрисовывал типы зарубежных деятелей и, пользуясь своим исключительным по силе и оригинальности талантом, заставлял их оживать и двигаться. Он припарал их к стенке своими прямыми, ясными до беспощадности вопросами и заставлял выявлять свое истинное отношение к целому ряду явлений...

Прервемся на минуту. Чтобы вполне представить себе тогдашний шок, смоделируем ситуацию на нынешних условиях. Представляете, появляется нахал, который говорит, например, следующее:

— Господин такой-то! Вы мое поколение агитировали „за коммунизм”, а нынче, выйдя из партии, агитируете „против”. И тогда и, естественно, теперь вы были и остаетесь, надо полагать, взрослым, ответственным за свои слова и дела, психически нормальным человеком. Не подлец ли вы? — Подлец.

— Господин такой-то! Вы возглавили такую-то организацию с названием и программой, привлекательных для честных, хоть и наивных людей. Кроме трезвона, от вас ничего не исходит уже изрядное для делания Дела

время. Не провокатор ли вы? — Прокуратор!

— Господин такой-то! Вас страна знала как честного и прямого человека. Вы заботились о том, чтобы известность ваша не спадала, — и молчите. Не трус ли вы? — Трус!

.... В ответ на вопросы Солоневича одни молчали, другие что-то бормотали, третий просто ругались, — продолжает автор газеты, которую филологи-журналисты смогут изучать лишь при условии подлинного возрождения России. — Сильной бесцеремонной рукой выуживал И. Л. спрятавшиеся за плакатами фигурки и преподносил их во всей их натуральности рядовому эмигранту. И, лишь показавши таким образом, давал свое заключение.

Одновременно с этим И. Л. все более и более обнаруживал и свое собственное лицо. Свойство его литературного таланта таково, что, читая его статьи, вы слышите его голос, видите его улыбку, замечаете, когда он взмолнив, когда устал, когда возмущен, когда доволен. К И. Л. нельзя было относиться как к писателю, политику или мыслителю. К нему можно было относиться как к живому человеку. Объединиться с ним лишь на основании пунктиков, параграфов и идеек было невозможно. Он отbrasывал все это, подходил вплотную к тому, кто эти пунктики предлагал, и ставил в упор вопрос: „А что вы собою представляете, милостивый государь?”

Сам монархист, он обличает монархистов. Сам демократ, он обличает демократов. Его крылатая фраза „генералы бывают разные” — как нельзя лучше объясняет смысл его борьбы. Он ведет отбор по признаку внутреннего содержания человека. Монархисты для него тоже бывают разные. Демократы — тоже разные. Прикрыться фразой, лозунгом, программкой мало — нужно показать, кто ты такой.

После Софии была Германия. Предвоенная Солоневич всеми силами пытался развеять мифы, призванные идеологически подготовить „блицкриг” против „колосса на глиняных ногах России”. Но немецкие интеллектуалы лишь лукаво покачивали головами — и не верили. Фашистская пресса предпочитала верить русской литературе и русской историографии, с тевтонской любовью к документам, полагая, что именно в них — правда.

По мнению же Солоневича, „русскую психологию характеризуют не художественные вымысли писателей, а реальные факты исторической жизни. Не Обломовы, а Дежневы, не Плюшкины, а Минины, не Колупаевы, а Строгановы, не „непротивление злу”, а Суворов, не „анархические наклонности русского народа”, а его глубочайший и широчайший во всей истории государственный инстинкт”. То, что СССР — не Россия, что искусственные конструкции бездарной „государственности”, направлены как раз на развал всякой государственности на территории России в угоду „мировой закулисе” (по выражению Ивана Ильина) или в угоду чуждому нашим широтам, но неумолимо агрессивному и размножающемуся этносу — явление не только не русское, но, наоборот, противорусское, — было убедительно показано и доказано Солоневичем в таких его работах, как „Великая фальшивка Февраля”, „Диктатура импотентов” и „Диктатура слова”.

„Белая империя”, начатая до войны в Софии, дописывалась в Аргентине, превратившись в „Народную монархию”. Труд получился настолько капитальным и убедительным, что „врата мирового признания”, ему, впрочем, ненужные, оказались перед ним захлопнуты. Попутно заметим, что абсолютное молчание на Востоке и на Западе — это есть вернейший признак

того, что доля истины в произведении явно превышает дозволенный мировыми манипуляторами общественного мнения предел. К таким книгам относятся и книги Б. Башилова, и „Война темных сил“ Маркова-Второго, и произведения А. Шмакова, не говоря об архивных документах, занимающих изрядную часть в работах Роберта Вильтона³ или советско-американских ДСП (литература для служебного пользования) по поводу вопросов, связанных с началом, существованием и концом „Третьего Рейха“. Интересно, что начавшая у нас период перестройки и гласности (через Горбачева) Англия не торопится открыть архивы времен Второй Мировой войны, и даже архивы по делу о дуэли Пушкина и Дантеса!. Ах, Запад, милый паразитический Запад, несравненный по цинизму в отношении России! Запад, до каких пределов распространяется твоя холеная наглость!..

Разумеется, пересказать „Народную монархию“ — дело безнадежное, хотя остановиться на ней необходимо. Здесь содержится тот самый ясный взгляд на вещи, на русскую историю, которого нет и не может быть ни в официальных писаниях советского времени, ни в нынешней части патриотической печати (о явно противорусской говорить не стоит), авторы которых не стяжнули с уст своих формул типа „рано еще“, „не поймут“, а то и „Ленин не так писал“, „Маркс по-иному говорил“. Как будто интеллигент Ленин,олжижи проживший за границей, хоть сколько-нибудь любил Россию; как будто Маркс знал лучше русского крестьянина, чтому нужно в географических пределах им же созданной державы!

Отрадно, что первую брешь в официальной прессе пробила „Молодая Гвардия“ (1989, номер 6, 12), „Наш Современник“ (1990, номер 5), газета МВД СССР „Ситуация“ и „Русский Вестник“ (пробный номер). Еще более отрадно, что „Кубань“ напечатала „Россию в концлагере“, (1991, номер 1-5), а издательство „Молодая Гвардия“ издала только что „Народную монархию“. Дасть Бог, выйдут „Великая фальшивка Февраля“ и „Диктатура слова“. Но вот что интересно. Чуть ли не год лежит заказанная подборка материалов Солоневича в одной патриотической, но без „стеба“, газете „правой“, так сказать; и столько же — записанная на плёнку передача о нем на „левом“ „Радио России“, где выступали все — от Ю. А. Афанасьева до Нины Андреевой. Крайне харacterно! Все многообразие мнений, вся полифоничность „патриотической“ печати, и не только ее, имеют вполне зримые (и объяснимые) границы. За „пределом“ как раз остаются те мысли и тот комплекс идей, который только и составляют суть русской идеи в ее химически чистом виде, не „разбавленной“ электрикой и „с чем-то можно согласиться, с чем-то ...“

В игры с нами играют, православные. Только полусамиздатские газетки-листки типа „Землины“ и терпимы нашим перестроенным Агитпропом, в сравнении с которым Гебельс — дитя. Причем этот изящный бойкот распространяется и на эмигрантские издания типа „Вече“ или „Посев“...

И здесь мы подходим к трагедии Солоневича, да и всех по-настоящему правых, начиная с 60-х годов прошлого века.

³⁾ Башилов Б. История русского монархизма. Т. 1 по 8-й Буэнос Айрес; Марков Н. Е. Войны темных сил. Ки. 1-2, Париж с 1928-1930; Шмаков А. С. Свобода и евреи. М., 1906; Его же. Тайное международное правительство. М., 1912; Вильтон Р. Последние дни Романовых, Берлин 1923.

Как и следовало ожидать, „Литературная Россия“ в приложении своем „Русский рубеж“ повторила старое обвинение Солоневича в работе на пользу фашистской Германии. Это — одна сторона. В Аргентине же ему устроили травлю „солидаристы“ — вплоть до доносов в правительственные органы, в которых Иван Лукьянович значился как „агент КГБ“.

Вот так, православные, и нас загоняют в коридор: или за Сталина и коммунистический ренессанс, или против Сталина и... против русской Державы, против истинного возрождения. Так — концлагерь, этак — лагерь-конц. Конечно, все больше людей, которые стали замечать грубую „упакованность“ понятий, кто постепенно излечивается от духовного дальтонизма и скорее чувствует, нежели знает о третьем пути. Да вот сорганизоваться такие люди пока не могут; и история содержит в искаженности, и проти-

водействие со стороны „технологов гражданской войны“ не столько велико, сколько изощрено. Фальш эклектики чувствуется, особенно молодыми. Вот они и замкнулись. И как ни подздоривают их большевики („коммунисты“, „демократы“ и „патриоты“), — не торопится наша мудрая молодежь на баррикады, в который-то раз за последний век. Нет пока у наших „штабс-капитанов“ „Белой библиотеки“, которая утвердила бы их в том, что хранит еще их генетическая память. И пока нет ее, они не станут принимать участие в назязанной игре. Успеют прозреть — выживем, не успеют...

Травили Солоневича беспощадно. Американский профессор Виктор Порфирьевич Петров, хорошо его знавший, рассказывает, насколько жестокий был устроен пресс из обвинений „солидаристов“. Столь жесткий, что даже такой могучий человек, как Иван Лукьянович, вынужден был покинуть

Аргентину. Но в Уругвае, где в те годы была сильна иная эмиграция — германская, клише „он — против Гитлера“ сработало еще страшнее: Иван Лукьянович Солоневич в расцвете сил и творчества погибает при довольно загадочных обстоятельствах, в 1953 году, 62-х лет от роду.

Смеем предположить, что тайные пружины истории, скрытые от глаз стадно голосующих во всех уголках мира, соединены в нечто целое, независимо от внешних этикеток — „капитализм“, „социализм“ и прочих. Смеем предложить, что если из соображений поддержания престижа Берии в глазах Сталина американцы отдали ему как главе атомного ведомства СССР секрет атомной бомбы; если перестройка с ее запограммированным спадом началась аккурат в начале стагнации экономики Запада; если „русским защищаться запрещено“ при любом генсеке и на любом континенте, то возможно и такое: Солоневича убрали внешне многоликая, но скрыто единая антируссская сила. Убрали как опасного политического деятеля, который не стал бы „играть в эти игры“ и вывел бы на чистую воду антируссскую мразь, под каким бы обличием она не пряталась. Почему именно антируссскую? Потому что дело возрождения России затрагивает интересы „мировой закулисы“ самым прямым образом, и если учесть, что планы „перестройки“ были готовы уже к тому времени, и если бы не „дело врачей“, „засветившее“ Берию, то он, а не А. Н. Яковлев и Ко, стал бы главным архитектором восьмой масонской провинции, именуемой „Россией“ (см. Лонгинов. Новиков и московские мартисты; М., 1876 и др.).

„Штабс-капитансское движение“, потеряв своего лидера, потеряло многое, если не все: динамизм, перспективу, напор. Вот что значит лидер. Соответственно (мы это видим своими глазами), что значит его отсутствие. Понятно, что врагам России надо во что бы то ни слало не допустить появления такого лидера. Они и следят за тем, чтобы не „выскочил какой-нибудь“, а на всякий случай подсовывают псевдогероев: или тупых, или хитрых, или больных, или знающих, что о прошлых грехах „кое-где“ хорошо известно. Вот и вся недолга.

Но это, как и явная абсурдность парламентской системы в условиях России, — „от обратного“ доказывает жизненную необходимость монархии. Народной, а не сословной. Самодержавной и освященной православием, а не тиранической, узурпаторской. Наследственной, что гарантирует преемственность политики в материальную заинтересованность только во благе вверенной Богом Державы, а не конституционной, отдаваемой на потребу всегда подкупаемых парламентских фракций. Неограниченной, ибо ограничить самодержца может только закон Божий, потому и отношения ктиторства между Царем и Церковью входят в понятие Самодержца: Царь „хранит веру православную“ — Церковь предостерегает Помазанника от отступления от заповедей Христовых... „Диктатура слова“ печется о том, чтобы быть влиятельным посредником между народом и главой государства, заинтересованной в том, чтобы он был как можно более уязвим и управляем. „Слой“ же вот уже второй век создает с помощью „литературы“ стойкое неприятие народом самой идеи монархии, и весьма в этом преуспел.

Нынче, в эпоху одичания и страсти попирать во время чумы, читатель сочтет эти рассуждения бредом или пустой абстракцией, хотя, быть может, от того, насколько серьезно он воспримет идею монархии, зависит, быть ему, читателю и его детям, или не

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ

Воспроизведя сегодня из «Нашего Современника» (№ 11, 1991) прекрасную работу Игоря Викторовича Дьякова об основателе «Нашей Страны», мы вынуждены исправить некоторые вкравшиеся в нее фактические ошибки, неизбежные впрочем именно в силу той «замолчанности» имени И. Л. Солоневича, о которой говорит автор. Нижеследующие поправки и дополнения сверены с проживающим в Вирджинии, США, сыном писателя Юрием Ивановичем Солоневичем.

1. У отца писателя, Лукьяна Михайловича, не было никакого брата Трофима.

2. Иван Лукьянович действительно дружил с Иваном Поддубным, но в шутку жаловался, что у него с ним не выходит «всероссийской платформы» — Поддубный водки не пил вообще, ибо легко пьянел.

3. Служил в Белой армии брат (не двоюродный) Ивана Лукьяновича. Он погиб от тифа.

4. В «Известиях» Иван Лукьянович не сотрудничал и Юрий Иванович отрицает, что он писал пособия по спорту для ГПУ.

5. Ни Иван Лукьянович, ни его сын не эвакуировались в Турцию вместе с белыми. Сделал это Борис Лукьянович. Однако пробы в Константинополе всего лишь неделю, он вернулся в Россию.

6. Описанная И. В. Дьяковым как первая попытка бежать из СССР, на самом деле является второй. Первый раз Солоневичи были вынуждены вернуться, так как, из-за магнитных аномалий, заплутали и пришли к месту откуда вышли.

7. Из Свирского лагеря бежал Борис; Иван и Юрий ушли из ББК.

8. «Россия в концлагере» была переведена на 16 языков, но английский издаватель, купив копирайт для этого языка выпустил всего лишь три тысячи экземпляров в отвратительном переводе. В результате, по-английски книга как бы и не существовала.

9. Газета издаваемая Иваном Лукьяновичем в Софии называлась «Голос России». После того как вышло более сотни номеров власти ее закрыли в 1938 году. Иван Лукьянович почти сразу же возобновил ее издание, но под новым названием — «Наша газета».

10. Юрий Иванович считает неправильным называть его отца демократом, и определяет как «ерунда на постном масле», упомянутую «Литературной Россией» мнимую «работу писателя на пользу Германии». Наоборот, нацисты в начале советско-германской войны запретили ему всякую политическую деятельность и сослали с сыном в немецкую деревушку «под надзор», откуда он сбежал в конце войны «вело-пешком» в английскую зону. Его брат, Борис Лукьянович, был сразу арестован в Брюсселе и заключен в страшный лагерь «Брендонк». Там он чуть не ослеп на тяжелых принудительных работах и после долгого заключения обязан был ежедневно являться в Гестапо.

11. Юрий Иванович также отвергает версию, что бомбу 3-го февраля 1938 года прислали солидаристы: «разве, что они могли быть наводчиками». Сам же Иван Лукьянович недвусмысленно и неоднократно указывал, что адскую машину подкинули большевики.

12. Юрий Иванович отвергает начисто и версию о «загадочных обстоятельствах» смерти отца. «Батька все последние 25 лет жизни страдал катаром желудка, но при этом не переставал пить водку, что было ему противопоказано. В Уругвае, после высылки из Аргентины, его наконец оперировали и нашли, что желудок съеден раком».

И, как говорится в англосаксонском мире, last but not least (последнее, но не по важности): утверждение, что провокация проникла в «Нашу Страну» следует также причислить к разряду неточностей.

Редакция

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА НА ГРАНИ БЕДНОСТИ

Нам пишут из Франкфурта:

Окончание холодной войны побудило правительство Соединенных Штатов и других стран резко сократить субсидии выдаваемые иным эмигрантским демократическим организациям. В связи с этим, переживающее острой финансовый кризис издательство солидаристов «Посев» было вынуждено перенести печатание своего журнала «Границы» на территорию бывшего Советского Союза, где тиражирование стоит на много раз меньше, чем в Германии.

Вследствии этого, подписчики получили лишь в конце января подписанный к печати в октябре 1991 года номер 162 «Граней»; причем качество исполнения и бумаги резко понизилось.

МОНАРХИЯ В ГРУЗИИ?

Нам пишут из Тифлиса:

Последние дни в Грузии усиленно муссируется вопрос о восстановлении монархии. Эта идея, по сообщению ТАССа, пользуется поддержкой большинства населения Грузии.

АТАМАН ПРОТОПОПОВ

Нам пишут из Сан Франциско:

Терский атаман в Зарубежье, хорунжий Н. Н. Протопопов в обращении к «братьям казакам» как в отечестве, так и за рубежом, написал:

«Ушедший год, по воле Божьей, был годом осуществления чаяний и надежд, которыми мы жили все годы изгнания: коммунизм пал, Советский Союз прекратил свое существование! Вы,

быть.

Конечно, все это сегодня „далеко“. Но кто не ощущает, что и выздоровление „больного человека“ — нашего общества — так же далеко? Что по-делаешь. Однако чем усерднее мы отталкиваем лекарства, тем меньше шансов выздороветь. Еще меньше.

Для того, чтобы в Державе нашей восстановился мир, нужны годы. Потому что многое нужно: вспомнить добросовестно, покаяться искренне, обрасти чистое зло и чистое добро и, пребывая во образе Божием, а не в дьявольском уже, сосредоточиться и избрать от среды своей Хозяина Земли Русской, обеспечив при этом безопасность границ, ибо сильная Россия страшна Западу, а сильнее России с Царем в Москве быть ничего не может.

Все это требует титанических усилий. Надо перестать быть бесполыми существами, надо остановить деградацию народа, надо... Но и несмотря на то, что многое надо — аж руки опускаются, — мы — Дом Богородицы — ближе к Небу, нежели все наши за-падные „друзья“. И они это понимают!

“НАША СТРАНА”. Русская монархическая еженедельная газета. Основанная 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М.В. Киреев. Редактирует Ред. Колл. Адрес: M. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. и факс: (54-1) 544-0530. Статьи поданные фамилиями или инициалами не обязательны выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка

зарубежные казаки, ни на иоту не отойдя от наших принципов, ни в чем не уступив нашим врагам, не посрамили тех наших братьев-казаков, которые жизни свои принесли на алтарь ныне освобожденного от богооборческой власти Отечества».

Однако хорунжий Протопопов отметил затем, что «время для эйфории еще не настало. Все красные волки не могли с вечера на утро превратиться в белых овец; какая-то часть из них ради собственной безопасности всего лишь набросило на себя овечьи шкуры. А тут, ко всему прочему, в стране воцарилась анархия, наступившая при распаде коммунистической системы и бесправного советского государства. Голову подняли нравственные, националистические и политические погонки. Это они, совместно с волками в овечьей шкуре, твердят нам сегодня о «демократии» и под ее прикрытием делают отчаянные попытки не только очертить, но и не допустить до прихода к власти религиозно и национально настроенных, во всех отношениях надежных патриотов России и казачества». По мнению Терского атамана в Зарубежье, перед зарубежными казаками стоит ответственная задача: оказать моральную и материальную помощь всем этим здоровым

силам в их стремлении возродить казачество и оздоровить систему управления на местах. Лучшей демократии, чем та, которую на казачьих землях когда-то установили наши предки, и которую в 1917 году разрушило революционное отродье, не было и никогда не будет!»

В заключение Н. Н. Протопопов выразил веру в то, что «в муках рождающаяся новая, свободная Россия и возрождающееся в ней казачество, вернувшись наконец на свой исторический путь, начнут поклоняться теперь одному лишь Солнцу Правды».

ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ II

Нам пишут из Нью Йорка:

Во время своего недавнего пребывания в США патриарх Алексий II обратился к американскому правительству с просьбой отстранить от ведения религиозных передач по радиостанции «Голос Америки» священника Русской Зарубежной Церкви о. Виктора Потапова.

Патриарх Алексий предложил заменить настоятеля прихода Зарубежной Церкви в Вашингтоне священником Американской Автокефальной Церкви.

По случаю 600-летия преставления Святого Преподобного Сергия Радонежского, в воскресенье 11 октября с. г. в 17 часов в зале Епархиальной Школы при храме Св. Сергия Радонежского состоится торжественное собрание.

ОБЪЕДИНЕНИЕ «ДРУЗЕЙ РОССИИ»

От Объединения «Друзей России» за месяц январь 1992 года поступило 150,00 песо.

Интересующихся этим Объединением просим обращаться к Марии Николаевне Ловцовой-Павловой по телефону 768-3237.

ПРОДАЮТСЯ:

1) Роскошный парчевый боярский костюм.

2) Новая шуба — нутрия. Все большого размера.

Обращаться: Sra. E. Koslovska, Calle Avellaneda 1277, Villa Ballester (1653). Prov. Bs. As., Argentina.

Отсюда — смесь презрения и почтения, подавляемых жалости и восторга, смесь животного страха перед неизбежным наказанием и любопытства к судьбе народа духовного.

Вот они и убивают Солоневича. Скорее жалеть начнут, умники...

Остается добавить немногое.

Род Солоневичей в России не пресекся. И не только в фигуральном, „штабс-капитанском“, смысле, но и в прямом.

Иван и Борис, как сказано выше, были сыновьями Лукьяна Солоневича от первого брака. Во втором же браке у него появляются дети: Евгений, София (1909-1973), Зинаида (1915), Любава (1920). В 1920-1930 годах семья перезжала на Кавказ — жили в Гудауте, Поти, Гагре. К тому времени умерла и вторая жена Лукьяна Михайловича с сыном Евгением — в лагере где-то у Северо-Енисейска.

София (в семье ее звали Мирой)

после замужества сохранила „опасную“ девичью фамилию. В Братске у нее родился сын Владимир (потерялся 28-ми лет в тайге в 1967 году). В Бодайбо в 1950 году родился второй сын — Владислав, который и поведал мне о горькой судьбе „советских“ Солоневичей. У него — двое сыновей (15-ти и 10-ти лет). Владислав Андреевич пишет: „не верю в добрые перемены, не верю ни одному лидеру“.

Судя по наследственной, видимо, крепости слова, „последовательные марксисты“ и у него в печенках сидят, как и у многих „штабс-капитанов“ — умных, честных, ответственных людей, таких, как Иван Лукьянович Солоне-

вич“. Его письмо из далекого, как Аргентина, Мирного, исполнено гордости и горечью: сколько изломанных судеб в одном только роде простых русских людей! Ведь две сестры Ивана Солоневича живы — а я вот ни имен их, ни адреса написать не могу. И они — напишут ли, не знаю. Вряд ли. Боятся.

„Страна и сейчас еще представляет собой большой ГУЛАГ“ — пишет беспартийный 40-летний горный инженер Солоневич, как писал, не зная его и незнаемый им русский писатель и родной дядя Иван Солоневич.

А „штабс-капитанское движение“

еще выдвинет своих генералов. Хотя

не будем забывать: „Генералы бывают разные“.

ЗЕМСКИЙ СОБОР

Нам пишут из Москвы:

Предсоборное Совещание объявило о созыве «Всероссийского Собора Всех Земель». Местом проведения Собора определена пустынь возле Храма Христа Спасителя у закладного камня часовни в честь иконы Божией Матери Державной в Москве. Собор начнет свое действие как только соберется назначенное число его участников — семь тысяч человек.

По замыслу организаторов, при нарастающих хаосе и смуте в стране, к этому месту должны стекаться обиженные и обездоленные русские люди и там будет создан стан (палаточный городок). Пока же каждый день, в 17 часов, а по воскресеньям в 14, там читается акафист Божией Матери о спасении России (презд: метро «Крапоткинская»; выход к музею). Одновременно проводится запись в Земскую Рать желающих оказывать посильную помощь в каждодневном деле созыва Земского Собора.

«КОМ-МУТАНТЫ»

Нам пишут из Нью Йорка:

В статье опубликованной газетой «Нью Йорк Таймс» писатель Владимир Буковский утверждает, что правительство Ельцина все более и более похоже на Временное Правительство 1917 года, «с его неспособностью решить главные проблемы, отсутствием политических структур и тающей популярностью. Я сомневаюсь, что он прятает долго».

По мнению В. Буковского разочарованные массы чувствуют, что «у них выкрадли плоды их контрреволюции и что они были обмануты бывшими коммунистами (которые окрещены новым и очень выразительным именем «ком-мутантов»). Скоро массы вновь наводнят улицы».

Да. Его письмо из далекого, как Аргентина, Мирного, исполнено гордости и горечью: сколько изломанных судеб в одном только роде простых русских людей! Ведь две сестры Ивана Солоневича живы — а я вот ни имен их, ни адреса написать не могу. И они — напишут ли, не знаю. Вряд ли. Боятся.

„Страна и сейчас еще представляет собой большой ГУЛАГ“ — пишет беспартийный 40-летний горный инженер Солоневич, как писал, не зная его и незнаемый им русский писатель и родной дядя Иван Солоневич.

А „штабс-капитанское движение“

еще выдвинет своих генералов. Хотя

не будем забывать: „Генералы бывают разные“.

Игорь Дьяков

Дьяков Игорь Викторович родился в 1958 году в городе Сумы. Окончил Факультет журналистики Московского государственного университета. Работает в редакции журнала „Молодая гвардия“. Критик и публицист, автор ряда статей и книги „Осень в начале века“ (1990).

на источник обязательна. Цены за 1 экз: Австралия — 1 ам. долл.; Германия — 1.80 нем. мар.; Франция — 5 фр.; США — 1 ам. долл.; Аргентина — 0.70 песо. В остальных странах — 1 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 кол. — стоимость 4 экз. газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

«NASHA STRANA»—«NUESTRO PAIS». Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino Sucursal 30 (B) Franqueo pagado. Conces. N° 4233 Interes General. Conces. N° 3980